

возможности решать даже самые ничтожные вопросы: «Если же он осмеливается ответить или порицает кого-либо из клира, или привлекает к ответственности кого-либо из кабатчиков, или прини- {268} мает самое пустяковое решение, не кажущееся целесообразным императору, тотчас же начинается хождение в императорский дворец заинтересованных лиц и обнаруживается, что патриарх совсем неправомочен, хотя он и ссылается на Евангелие, апостолов, все каноны и законы» (Ibid. P. 373.27—38). Даже признавая долю преувеличения в этих словах Димитрия Кидониса, можно сделать вывод о том, что положение церкви и ее главы (константинопольского патриарха) не отвечало тому идеальному образу, который отводился им в доктрине ойкумены.

Отношения церкви и государства на протяжении поздневизантийского периода не оставались неизменными. В потоке политических событий XIV — первой половины XV в. значимость действий императора и патриарха зависела как от конкретной ситуации в стране в каждый отдельный момент ее истории, так и от личных качеств глав государства и церкви.

Периоды распрей, сотрудничества, лидерства императора или патриарха в политических делах сменяли друг друга. И если в сочинениях представителей поздневизантийской церкви отражена мысль о главенстве церкви (например, у патриарха Афанасия I, который обосновывал примат церкви перед государством, необходимость императора подчинять свою деятельность интересам церкви, активно работать во имя удовлетворения этих интересов), то в памятниках политической мысли, принадлежавших перу светских авторов, превалировал вывод о падении престижа церкви как внутри империи, так и в христианском мире в целом.

В поздневизантийское время оба опорных столпа фундамента концепции ойкуменизма — тезисы об акте основания нового Рима и его главенстве среди других столиц мира — «оказались подгнившими». Писатели эпохи не только констатировали наличие внутреннего дискомфорта в империи, но и видели разрыв между пропагандировавшейся идеей вселенского владычества Византии и ее реальной ролью в международных делах.

Византийская империя вынуждена была в течение первой половины XIV в. постоянно лавировать между сербами, болгарами, итальянцами, турками. С середины XIV в. отношения с османами станут определяющими во внешней политике империи. Это определяло и многочисленность сюжетов и сентенций в литературных сочинениях, так или иначе освещавших наиболее «больной» для империи вопрос — об отношениях именно с турками. Никифор Григора так комментировал историю Ромейской империи при Палеологах: «...если рассказывать о всех победах турок, показалось бы, что не историю мы пишем, а тянем жалобную песнь» (*Greg. I. P. 141.18—19*). Эти слова созвучны плачу, принадлежащему перу Алексея Макремволита: «Не были мы сыновьями агарян преданы разве, как овцы?... Не они ли совершали набеги на всю нашу землю и опустошали ее? Не населяли ли они наши прославленные и почитаемые города, с жителями которых, ранее пребывавшими в благополучии и не изведавшими зла, они обращались как с рабами? Не были ли мы по всей земле подвергнуты пленению? Не были ли из-за этого наши деревни и города опустошены и покинуты жителями?» (*Al. Makr. Thren. 30 sq.*). Для времени Макремволита это было не столько констатацией реальных событий, сколько обращенным к современникам предвидением неблагоприятной перспективы в развитии византийско-турецких отноше- {269} ний. И действительно, ближайшие десятилетия показали стремительность реализации завоевательных планов турок ³³.

Однако для поздневизантийской политической мысли характерна неоднозначность оценки «турецкого вопроса». Как известно, многие политические деятели рассматриваемого периода не только не гнушались использовать военную силу турок в своих целях, но и считали такого рода соглашения с ними наиболее верным средством в решении сложных политических ситуаций. Особенно часто использовал турок в качестве союзников Иоанн Кантакузин. Poleмические сочинения, написанные им и направленные против ислама (PG. T. 154. Col. 372—692), не мешали ему вступать в самые близкие контакты с турками. Именно о таких методах решения политических конфликтов и писал Димитрий Кидонис: «Всякий понимает: кому из двоих (борющихся за власть.— *Авт.*) варвар окажет поддержку, тот и возобладает» (*Cydon. Corresp. Ep. N 442*). Несмотря на все старания патриарха Афанасия I задержать процесс исламизации и устранить угрозу православию в захваченных турками восточных районах империи

³³ *Werner E. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Vierte Auflage. Weimar, 1985. S. 169—183.*